

ВЕЛИКАЯ МАРСИАНСКАЯ СТЕНА

— Ты понимаешь, что можешь там погибнуть? — спросил Уоррен.

Невил Клавэйн посмотрел в единственный глаз брата; второго Уоррен лишился в битве с сочленителями на плато Фарсида.

— Да, понимаю, — ответил он. — Но если начнется новая война, мы все можем погибнуть. Лучше я рискну сейчас, пока есть хоть какая-то надежда на мир.

Уоррен медленно, терпеливо покачал головой:

— Мы уже столько раз через это проходили. Мне кажется, от твоей попытки не будет толку. Пока они там, не может быть никакого мира. Вот чего ты не понимаешь, Невил. Единственное решение, гарантирующее прочный результат, это... — Он смолк.

— Продолжай, — подбодрил его Клавэйн. — Скажи это слово. Геноцид.

Уоррен хотел ответить, но в этот момент в конце стыковочного коридора возникли шум и оживление. Через дверь Клавэйн разглядел толпу репортеров, затем увидел, как кто-то пробирается к выходу, отделяваясь от вопросов предельно краткими ответами. Это была Сандра Вой, женщина из партии демархистов, которая собиралась лететь с Клавэйном на Марс.

— Это не геноцид, — возразил Уоррен, прежде чем Вой оказалась в пределах слышимости. — Они просто клика, а не этнически обособленная раса.

— Что же это в таком случае?

— Не знаю. Предусмотрительность?

Подошла Вой. Она держалась прямо, на лице застыла маска безмолвной покорности. Ее корабль только что прибыл из Юпитерианского кольца, завершив трехнедельный полет на максимальной скорости. Все это время шансы на мирное урегулирование кризиса таяли.

— Добро пожаловать на Деймос, — сказал Уоррен.

— Военачальники, — начала она, обращаясь к обоим, — мне жаль, но положение тяжелое. Давайте сразу перейдем к делу. Уоррен, как вы думаете, скоро ли нам удастся найти решение?

— Надеюсь, скоро. Если Галиана будет придерживаться той же тактики, что и в последние полгода, то нам следует ожидать очередной попытки побега через... — Уоррен взглянул на дисплей, встроенный в браслет. — ...примерно через три дня. Если она действительно попытается запустить с Марса очередной шаттл, то у нас не останется иного выбора, кроме обострения отношений.

Все понимали, что это означает военный удар по Гнезду сочленителей.

— До сих пор вы терпели ее попытки, — заметила Вой. — И каждый раз полностью уничтожали корабль и всех находящихся на нем людей. Общий риск успешного прорыва не увеличился. Так зачем же отвечать сейчас?

— Очень просто. После каждого нарушения мы посылали Галиане все более жесткие предупреждения. Последнее было окончательным.

— Если вы атакуете, то нарушите договор.

Уоррен улыбнулся, внутренне торжествуя:

— Не совсем, Сандра. Возможно, вы не полностью ознакомлены с особыми условиями договора, но мы обнаружили, что он позволяет нам напасть на Гнездо Галианы, не нарушая никаких условий. Формально это называется полицейской акцией, если мне не изменяет память.

Вой на несколько мгновений потеряла дар речи. Клавэйн не удивился. Договор между Коалицией и сочленителями, который помогали составлять нейтральные демархисты Вой, оказался самым долгоживущим документом, даром что в нем присутствовали кое-какие сумбурные, сгенерированные компьютером математические доводы. Предполагалось, что он будет недвусмысленным, хотя только машины читали его от начала до конца и только машины могли найти в нем лазейку, которой сейчас хвастался Уоррен.

— Нет... — пролепетала она. — Здесь какая-то ошибка.

— Боюсь, что он прав, — возразил Клавэйн. — Я видел краткие справки на нормальном языке — в законности полицейской акции сомневаться нельзя. Но в ней нет необходимости. Я уверен, что смогу уговорить Галиану не предпринимать новой попытки к бегству.

— А если не получится? — теперь Вой смотрела на Уоррена. — Мы с Невилом через три дня, возможно, еще будем на Марсе.

— Мой вам совет: не суйтесь туда.

Рассерженная Вой отвернулась и ушла в зеленую прохладу шаттла. На минуту Клавэйн остался наедине с братом. Уоррен прикоснулся хромированным пальцем протеза к кожаному кружку, закрывавшему его пустую глазницу, словно желая напомнить Клавэйну о том, чего ему стоила война и как мало симпатии он испытывает к врагу.

— У нас нет шансов на успех, верно? — сказал Клавэйн. — Мы летим туда только для того, чтобы ты мог сказать, что испробовал все мирные способы, прежде чем посылать войска. На самом деле ты хочешь очередной войны, будь она проклята.

— Не будь пораженцем, — возразил Уоррен, печально качая головой, как старший брат, разочарованный в неудачнике-младшем. — Тебе не к лицу.

— Пораженец здесь не я, — буркнул Клавэйн.

— Ну, разумеется. Ты просто постарайся как следует, братишка.

Уоррен протянул руку. Помедлив, Клавэйн снова заглянул в единственный глаз брата. На него смотрел инквизитор: глаз был бесцветным и холодным, как январское солнце. И в нем светилась ненависть. Уоррен презирал Клавэйна за пацифизм, за веру в то, что любой мир, даже период настороженного затишья между кризисами, всяко лучше войны. Эти разногласия уничтожили последние родственные чувства, еще теплившиеся между ними. Напоминая сейчас Клавэйну о том, что они братья, Уоррен не скрывал неприязни.

— Ты неверно судишь обо мне, — пробормотал Клавэйн и осторожно пожал Уоррену руку.

— Нет, я правильно сужу. И уверен в этом.

Клавэйн прошел через шлюз, и люк захлопнулся за ним. Вой уже пристегнулась; ее взгляд был безжизненным, словно она смотрела в бесконечность. Клавэйн предположил, что Сандра загрузила копию договора через свои имплантаты — прокручивает его перед мысленным взором, пытаясь найти лазейку; возможно, запустила глобальный поиск ссылок на полицейские акции.

Корабль узнал Клавэйна и подстроил свой интерьер под вкус пилота. Теперь зеленый цвет приобрел бирюзовый оттенок, пульт управления сконфигурировался как можно компактнее, на нем остались только самые важные опции. Несмотря на то что шаттл был самым маленьким мирным судном, на котором доводилось

летать Клавэйну, он казался сущей громадиной по сравнению с десантными кораблями, применявшимися на войне, — те были такими крошечными, что облегали пилота, как средневековые доспехи.

— Не волнуйтесь насчет договора, — сказал Клавэйн. — Обещаю вам, Уоррен не получит возможности использовать свою лазерку.

Вой очнулась от транса в раздражении:

— Лучше бы вы оказались правы, Невил. Кто надеется на неудачу — я или ваш брат? — Она говорила по-французски с квебекским выговором, Клавэйну пришлось сделать усилие и переключиться, чтобы понимать ее. — Если мои люди обнаружат здесь скрытый подвох, вам придется чертовски дорого заплатить.

— У Уоррена есть куча причин ненавидеть сочленителей — битва на плато стоила ему слишком дорого, — объяснил Клавэйн. — И он тактик, а не знаток оперативного искусства. После прекращения огня мои знания о червях стали высоко цениться, так что для меня нашлось дело. Но Уоррен не обладает гибкостью.

— И что, это дает ему право подталкивать нас к новой войне?

Вой говорила так, словно ее люди тоже участвовали в последнем столкновении. Но Клавэйн знал, что она права. Если вражда между Коалицией и сочленителями вспыхнет с новой силой, демархисты не смогут остаться в стороне, как пятнадцать лет назад. И нетрудно догадаться, на чью сторону они станут.

— Войны не будет.

— А если вы не сумеете договориться с Галианой? Или собираетесь воспользоваться личным знакомством?

— Просто я был ее пленником.

Клавэйн взялся за управление — Вой призналась, что пилотирование наводит на нее скуку, — и поднял шаттл с Деймоса. Они полетели по касательной к экваториальному кольцу, окружавшему спутник, и сразу перешли в свободное падение. Клавэйн пальцем начертил на стене прямоугольник, который тотчас превратился в иллюминатор.

На мгновение перед Клавэйном мелькнуло отражение в стекле. Он выглядел гораздо старше своего возраста, седая борода и волосы делали его похожим скорее на дряхлого старца, измученного жизнью, чем на степенного патриарха. Потушив свет в кабине, Клавэйн испытал некоторое облегчение: он увидел Деймос, уменьшавшийся с потрясающей скоростью. Темная громада даль-

него из двух спутников Марса, окруженная яркой, усеянной окнами лентой подвижного кольца, щетинилась орудиями. Последние девять лет Деймос был миром Клавэйна, но сейчас этот мир, казалось, можно было обхватить большим и указательным пальцами.

— Не просто пленником, — возразила Вой. — Никто, кроме вас, не возвращался от сочленителей в здравом уме. Они даже не пытались внедрить в вас свои машины.

— Верно, не пытались. Но лишь потому, что время было на моей стороне. — Клавэйн повторял старые аргументы, стараясь убедить не только Вой, но и себя. — Я был у Галианы единственным пленником. Тогда она проигрывала войну, еще один новообращенный не изменил бы ситуацию. Условия прекращения огня были тщательно продуманы, и она знала, что может получить выгоду, отпустив меня целым и невредимым. Но было и еще кое-что. Мы считали, что сочленители не способны на такие примитивные чувства, как милосердие. Для нас они были пауками. Поступок Галианы изменил это представление. Среди высшего командования возникли разногласия. Если бы она не отпустила меня, то по ее Гнезду вполне могли бы нанести ядерный удар.

— Значит, ничего личного?

— Да, — ответил Клавэйн. — Абсолютно ничего личного.

Вой кивнула, в остальном никак не показывая, что верит ему. В этом искусстве некоторые женщины достигают совершенства, подумал Клавэйн.

Разумеется, он очень уважал Вой. Она была в числе первых людей, которые несколько десятилетий назад проникли в океан Европы. Сейчас планировалось сооружение сказочных городов подо льдом — она возглавляла этот проект. Предполагалось, что демархистское общество не имеет структуры и иерархии, но люди, обладавшие талантами Вой, возвышались, передвигаясь по созданному ею самой инстанциям. Она содействовала мирным переговорам между сочленителями и Коалицией Клавэйна. Вот почему она летела сейчас на Марс: Галиана согласилась на визит Клавэйна только при условии, что его будет сопровождать нейтральный наблюдатель, и очевидный выбор пал на Вой.

Уважать Сандру было легко. Однако доверять ей оказалось гораздо сложнее: Клавэйну пришлось бы игнорировать тот факт, что женщина-демархист с головой, нашпигованной имплантатами, мало чем отличалась от врагов.

Спуск на Марс был трудным — они садились под прямым углом.

Один или два раза их засекали автоматические системы слежения, расположенные в сети заградительных спутников. Орудия, парившие над Гнездом, вращаясь синхронно с орбитой Марса, на несколько секунд нацелились на корабль, рейлганы приготовились к бою, но затем выяснился дипломатический статус шаттла, и ему позволили лететь дальше. Заграждение действовало весьма эффективно — иначе и быть не могло, ведь Клавэйн сконструировал его сам. За пятнадцать лет ни один корабль не смог ни войти в атмосферу Марса, ни покинуть ее, и ни одно наземное средство передвижения не выбралось из Гнезда Галианы.

— Вот она, — произнес Клавэйн, когда за горизонтом показалась Великая Марсианская Стена.

— Почему вы говорите об этом сооружении в женском роде? — удивилась Вой. — Я никогда не чувствовала потребности персонифицировать его, хотя это мое создание. А кроме того... даже если когда-то оно было живым, сейчас оно мертво.

Она была права, но на Стену по-прежнему нельзя было смотреть без благоговейного восхищения. С орбиты она представлялась бледной окружностью на поверхности Марса диаметром две тысячи километров. Подобно коралловому атоллу, она поддерживала внутри собственные погодные условия; диск голубого воздуха, усеянный кремово-белыми облаками, резко обрывался на границе Стены.

Когда-то внутри этой ячейки в теплой, плотной, богатой кислородом атмосфере существовали тысячи поселений. Стена стала самым дерзким и зрелищным из проектов Вой. Логика была нерушима: требовался быстрый способ сделать из Марса подобие Земли, не прибегая к таким времяземким общепринятым методикам, как бомбардировка кометами или растапливание полярных шапок. Стена позволяла сконцентрировать первые усилия на относительно малом участке диаметром в тысячу километров, вместо того чтобы модифицировать сразу всю атмосферу. Здесь отсутствовали достаточно глубокие кратеры, так что Стена была полностью искусственной: огромная кольцеобразная атмосферная дамба, спроектированная таким образом, чтобы медленно расширяться, охватывая все большую область поверхности со скоростью двадцать километров в год. Стену пришлось сделать очень высокой, так как в условиях марсианской гравитации для возникновения определенного давления атмосферный столб должен быть выше, чем на Земле. У поверхности ее валы, темные,

как глетчерный лед, имели сотни метров в толщину; они пускали корни глубоко в литосферу, выискивая руду, требуемую для непрерывного роста Стены. Но на высоте двухсот километров Стена представляла собой прозрачную мембрану толщиной всего несколько микрон, абсолютно невидимую, кроме тех моментов, когда редкие оптические эффекты заставляли ее сверкать на фоне звезд, словно полярное сияние. Инженеры-экологи заселили пригодное для жизни пространство внутри Стены организмами с Земли, их генетические наборы были тщательно модифицированы в орбитальных лабораториях. Флора и фауна распространялись, словно живые волны, и нетерпеливо плескались о границы Стены.

Но Стена была мертва.

Она прекратила расти во время войны, пораженная каким-то биологическим оружием, которое повредило ее репродуцирующие механизмы, и теперь даже экосистема внутри нее гнила: атмосфера охлаждалась, кислород улетучивался в космос, давление необратимо приближалось к марсианской норме — одна семитысячная земного давления.

Он подумал, каково Вой видеть все это? Может быть, она смотрит на Стену как на умершее дитя?

— Жаль, что нам пришлось убить ее, — произнес Клавэйн.

Он собрался уже добавить, что подобные действия оправдываются войной, но решил, что это прозвучало бы беспомощно, словно он защищается.

— Вам не нужно извиняться, — ответила Вой. — Это было всего лишь механическое оборудование. Честно говоря, я удивляюсь, что оно просуществовало так долго. Видимо, там еще остались какие-то механизмы ликвидации повреждений. Как вам известно, мы, демархисты, построили ее для последующих поколений.

Да, и это заботило его людей. Говорили об ограничении превосходства демархистов во внешней области Солнечной системы, предлагали даже установить господство Коалиции вокруг Юпитера.

Они скользнули по верхушке Стены и прошли сквозь исчезающие слои атмосферы внутри нее, при этом корпус шаттла принял заостренную форму. Почва выглядела иссушенной, безжизненной, повсюду виднелись разрушенные дома, проломленные купола, развороченные автомобили, сбитые шаттлы. Мелькали пятна тундровой растительности с неглубокими корнями, в основном темно-красного цвета: пушица, камнеломка, арктические маки

и лишайник. Клавэйн узнавал каждое растение по четкому инфракрасному следу; теперь, когда занесенные сюда виды птиц вымерли, растения также угасали. Лед лежал огромными серебристыми пластами, лишь небольшие, оставшиеся незамерзшими участки воды подогревались скрытыми в почве термоэлементами. Повсюду целые участки покрылись почти бесплодным слоем вечной мерзлоты. Здесь мог бы цвести настоящий рай, подумал Клавэйн, если бы не война. И все же, если они допустят новую войну, уже произошедшее здесь побледнеет перед картиной опустошения, которое воцарится во всей системе, на Земле и Марсе.

— Вы уже видите Гнездо? — спросила Вой.

— Подождите секунду, — ответил Клавэйн, глядя на подвижный дисплей, который отображал вид на поселение. — Вот оно. Хороший термический след. На мили вокруг ничего нет — по крайней мере, никаких живых существ.

— Да, теперь вижу.

Гнездо сочленителей располагалось на расстоянии примерно трети диаметра от стены, недалеко от подножия горы Арсия. Лагерь имел в окружности всего километр и был окружен насыпью, с внешней стороны которой накопилась гряда пыли. Пространство внутри Великой Марсианской Стены было достаточно большим, и здесь имелся свой особый климат. Она простиралась довольно далеко с севера на юг планеты, и здесь действовали заметные кориолисовы силы¹; распространилась достаточно далеко с запада на восток для того, чтобы в результате ежедневного нагревания и охлаждения возникали потоки воздуха.

Теперь он видел Гнездо гораздо отчетливее — из дымки выступали отдельные детали.

Внешне планировка была ему отлично знакома. С тех пор как прекратился вооруженный конфликт, команда Клавэйна изучала Гнездо с наблюдательного пункта на Деймосе. Фобос, имеющий более низкую орбиту, разумеется, еще лучше подходил для этой цели, но здесь уже ничего нельзя было поделаться, и возможно, проблема Фобоса даже пригодится Клавэйну в переговорах с Галианой. Руководительница находилась где-то в Гнезде, он знал это — под одним из двадцати куполов различного размера, расположенных внутри насыпи, связанных герметичными тон-

¹ *Кориолисова сила* — сила, действующая на движущийся объект, который наблюдается во вращающейся системе координат. Такая сила действует, например, на воду в реках, текущих в Северном полушарии Земли. Под действием этой силы вода подмывает правый берег.

нелями или сливающихся стенками, словно мыльные пузыри. Гнездо имело несколько десятков уровней, уходивших под поверхность Марса, а может быть, даже больше.

— Как думаете, сколько там внутри людей? — спросила Вой.

— Девятьсот человек или около того, — ответил Клавэйн. — Эта оценка основана на сведениях, полученных мною в плену, к тому же нам известно, что с тех пор в попытках к бегству погибли около сотни. Должен признаться, что в основном это наши предположения.

— Наши оценки совпадают. Тысяча или чуть меньше здесь, и, возможно, еще три-четыре тысячи разбросаны по системе, по меньшим Гнездам. Я знаю, ваши люди думают, что у нас есть более точные сведения, но это не так.

— Я вам верю.

Корпус шаттла изгибался вокруг них, принимая очертания, подходящие для полета на небольшой высоте. У него выросли широкие крылья, как у летучей мыши.

— Я просто надеялся, что у вас могут быть какие-то догадки насчет того, почему Галиана продолжает рисковать драгоценными жизнями в попытках к бегству.

Вой пожала плечами:

— Возможно, для нее жизни не настолько драгоценны, как вы считаете.

— Вы и в самом деле так думаете?

— Мне кажется, мы не можем постичь образ мышления общества коллективного сознания, Клавэйн. Даже с точки зрения демархистов.

Со стороны приборной панели донеслось чирикание — Галиана подавала им сигнал. Клавэйн настроился на канал, зарезервированный для дипломатических переговоров между Коалицией и сочленителями.

— Невил Клавэйн? — услышал он.

— Да. — Он попытался говорить как можно спокойнее. — Со мной Сандра Вой. Мы готовы приземлиться, как только вы укажете нам место.

— Отлично, — произнесла Галиана. — Направьте корабль к западной части ограждения. И прошу вас, будьте осторожнее.

— Благодарю. Есть какие-то особые причины для осторожности?

— Просто поторопись, Невил.

Они сделали вираж над Гнездом, сбрасывая скорость, и теперь скользили всего в нескольких десятках метров над источенной

ветрами поверхностью Марса. В цементной стене открылась широкая прямоугольная дверь, за которой виднелся отсек ангара, сияющий желтыми огнями.

— Должно быть, отсюда Галиана запускает свои шаттлы, — прошептал Клавэйн. — Мы всегда считали, что в западной части стены должен существовать широкий проход, но нам не удавалось получить хорошую картинку.

— Однако по-прежнему неясно, зачем она это делает, — заметила Вой.

Панель снова пискнула — связь была плохой, хотя они находились совсем близко.

— Нос выше, — велела Галиана. — Вы летите слишком низко и медленно. Немного поднимитесь, иначе вас засекут черви.

— Ты что, хочешь сказать, что здесь есть черви?! — воскликнул Клавэйн.

— Мне казалось, что ты эксперт по червям, Невил.

Он задрал нос, но было уже поздно. Впереди из земли с молниеносной скоростью выросло нечто: в пыли извивались кольца, в тупой бронированной голове сверкали металлические челюсти. Он сразу же определил: класс «Уроборос». Черви этого вида инфицировали сотни уголков во всей системе. Не такие высокоорганизованные, как тип, наводняющий Фобос, но все же весьма опасные.

— Вот же дерьмо! — выругалась Вой; на мгновение холодный демархистский лоск слетел с нее.

— Полностью с вами согласен, — произнес Невил.

Уроборос нырнул под шаттл, раздался леденящий кровь стук: челюсти вонзились в днище. Клавэйн почувствовал, что корабль тошнотворно накренился, это был уже не летательный аппарат, а пособие по баллистике. Прохладный, скупой бирюзовый интерьер перетек в аварийную конфигурацию, замигали сообщения об опасности, данные о статусе вооружений. Сиденья под пассажирами надулись.

— Держитесь, — предупредил Клавэйн. — Мы идем вниз.

К Вой вернулось спокойствие.

— Думаете, нам удастся вовремя добраться до Гнезда?

— Шансов крайне мало. — Он все равно сражался с рычагами, но положение не улучшалось, земля угрожающе быстро неслась навстречу. — Жаль, что Галиана не предупредила нас чуть-чуть раньше...

— Наверное, она думала, что мы уже знаем.

Удар о землю оказался сильнее, чем ожидал Клавэйн, но шаттл не разлетелся на куски, а сиденье спасло от повреждений. Корабль занесло на несколько метров, затем он налетели на песчаный холм и застыл кверху носом. В иллюминатор Клавэйн увидел белого червя — робот полз к ним, изгибаясь членистым телом.

— Похоже, нам конец, — произнесла Вой.

— Не совсем, — возразил Клавэйн. — Вам это не понравится, но...

Умолкнув, он включил скрытые орудия шаттла. С потолка спустился прицел; глядя в него, Клавэйн поймал в перекрестье уробороса. Совсем как в старые времена...

— Чтoб вас! — буркнула Вой. — Это планировалось как мирная миссия!

— Можете подать официальную жалобу.

Корпус содрогнулся от отдачи. В боковой иллюминатор они увидели, как белый червь разлетелся на короткие сегменты. Обломки вонзились в песок.

— Хороший выстрел, — похвалила Вой нехотя. — Он обезврежен?

— На время, — ответил Клавэйн. — Сегменты соединятся в действующего червя, но на это им потребуется несколько часов.

— Отлично, — сказала Вой, выбираясь из кресла. — Только официальная жалоба будет, попомните мои слова.

— Вы предпочли бы, чтобы червь нас съел?

— Я просто ненавижу двуличие, Клавэйн.

Он снова включил рацию:

— Галиана? Мы сели. Попали в переделку, но оба целы.

— Слава богу. — Старая манера выразаться отмирала с трудом, даже у сочленителей. — Но вам нельзя там оставаться. На этой территории есть и другие черви. Как думаете, сможете добраться до Гнезда пешком?

— Всего двести метров, — сказала Вой. — Это будет нетрудно.

Да, двести метров, но двести метров по ненадежной почве, покрытой ямами, трещинами и прочими полостями, где может скрываться дюжина червей. А потом придется карабкаться по стене, чтобы добраться до дверей ангара, находящихся на высоте десяти-пятнадцати метров над землей.

— Будем надеяться, что да, — ответил Клавэйн.

Он отстегнул ремни и, впервые встав на ноги в марсианской гравитации, почувствовал легкое головокружение. Слишком привык к гравитации кольца Деймоса, созданной для удобства земных тактиков. Подойдя к аварийному шкафчику, он нашел мас-

ку, которая удобно облегла лицо, другую дал Вой. Подсоединив баллоны с воздухом, они направились к двери шаттла. На этот раз, когда она открылась, проем оказался затянут блестящей мембраной — это была недавно запатентованная новинка демархистской технологии. Клавэйн шагнул в мембрану, и та облепила его с мокрым хлюпающим звуком. Когда он спрыгнул на землю, пленка уже затвердела вокруг его ступней и начала, оставаясь прозрачной, образовывать сочленения и складки.

Вой вышла вслед за ним, тоже в прозрачном скафандре.

Они побежали прочь от разбитого шаттла, направляясь к стене. Если поблизости есть черви, то они вмиг уловят вызываемые бегущими сотрясения почвы. Возможно, сейчас роботов больше интересует корабль, но на это нельзя рассчитывать. Клавэйн отлично разбирался в поведении червей, знал основные механизмы, которые руководили ими, но это знание не гарантировало выживание. Оно едва не подвело его на Фобосе.

Маска прилипла к лицу. Считалось, что воздухом у основания Великой Марсианской Стены можно дышать, но не имело смысла проверять это, когда дорога была скорость. Ноги еле отрывались от земли, и хотя он продвигался вперед, Стена никак не желала приближаться. Она была выше, чем казалось с места крушения, и находилась по крайней мере вдвое дальше.

— Еще червь, — сказала Вой.

С западной стороны из песка выпростались белые кольца. Уроборос, извиваясь, зигзагами приближался к ним с хищным спокойствием, понимая, что можно не торопиться. В тоннелях Фобоса у людей не было этого преимущества — заранее знать о приближении червя. Враги наносили удар из засады, быстрые, как питоны.

— Бежим! — скомандовал Клавэйн.

В отверстии высоко над землей показались темные фигуры. Со Стены упала веревочная лестница. Клавэйн, направляясь к основанию Стены, не старался ступать осторожнее. Он знал, что червь уже нацелился на него.

Он оглянулся.

Червь приостановился у брошенного шаттла, затем ударил головой с алмазными челюстями по корпусу, проткнув его насквозь. Робот встал на дыбы, корабль повис на нем, словно гириянда. Затем червь встряхнулся, и шаттл разлетелся, словно истлевший скелет. Червь снова обратил внимание на Клавэйна и Вой. Подобно гремучей змее, он вытащил из песка свое тридцатиметровое тело, свернулся кольцом и покатился к ним, точно колесо.

Клавэйн добежал до лестницы.

Когда-то он мог взбираться без помощи ног, даже при одном *g*, но сейчас лестница ходила ходуном, словно живая. Вскоре Клавэйн обнаружил, что земля уходит вниз быстрее, чем он карабкается. Сочленители втаскивали его на Стену.

Оглянувшись, он увидел, что Вой споткнулась.

— Сандра! Нет!

Она попыталась встать, но было уже поздно. Когда червь обрушился на Сандру, Клавэйну оставалось лишь отвернуться и молиться, чтобы ее смерть была легкой. Если эта смерть оказалась бессмысленной, подумал он, то по крайней мере пусть она будет быстрой.

Затем Клавэйн вспомнил о себе.

— Быстрее! — крикнул он, но из-за маски вместо крика раздалось какое-то паническое мычание.

Он забыл настроить передатчик скафандра на нужную частоту.

Червь с разбегу ударился о Стену, затем поднялся на дыбы, раскрыв пасть — обрамленную алмазами дыру, похожую на бур проходческого щита. Клавэйн заметил на краю Стены несколько сочленителей: опустившись на колени, они целились вниз из ружей. Червь извивался в бешенстве. Клавэйн увидел, что по песку к нему приближаются другие черви. Должно быть, Гнездо окружали десятки чудовищ. Неудивительно, что люди Галианы почти не предпринимали попыток сбежать по земле.

Клавэйна подняли еще на десять метров, и он оказался в безопасности. На поврежденном черве, в тех местах, где его шкуру заделали выстрелы, проглядывали кибернетические схемы. Разъяренный робот обрушивался на Стену, откалывая куски бетона размером с хороший валун. Когда Клавэйна тащили наверх, он чувствовал, как сотрясается Стена.

Червь снова ударил, и Стена содрогнулась еще сильнее. С ужасом Клавэйн увидел, как один из сочленителей сорвался и полетел прямо на него. Время будто замедлило ход. Клавэйн машинально прижался к Стене, вцепившись в лестницу. Внезапно он схватил пролетавшего мимо человека за руку. Сочленитель был subtilным, но даже в марсианской гравитации рывок был таким сильным, что оба едва не отправились вниз, к уроборосу. Клавэйну казалось, что его руки вылетают из суставов, трещали хрящи, но он ухитрился удержать и сочленителя, и лестницу.

У основания Стены сочленители без труда дышали воздухом. На незнакомце был только легкий костюм, нечто вроде серой

шелковой пижамы с поясом. Марсианская внешность — запавшие щеки и голый череп — придавали этому человеку сходство с мертвецом. Но он каким-то образом ухитрился не выронить оружие, которое держал в другой руке.

— Отпустите, — сказал человек.

Червь все приближался, несмотря на ущерб, причиненный ему сочленителями.

— Нет, — ответил Клавэйн сквозь зубы и искаженную мембрану на лице. — Я вас не отпущу.

— У вас нет выбора. — Голос был бесстрастен. — Нас обоих поднять не успеют.

Клавэйн взгляделся в лицо сочленителя, пытаясь определить его возраст. Тридцать, а может, и меньше — внешность сильно старит его. Клавэйн был явно раза в два старше, он прожил более богатую событиями жизнь, трижды или четырежды удачно избегал смерти.

— Это я должен умереть, а не вы.

— Нет, — возразил сочленитель. — Они найдут способ взвалить на нас вину за вашу смерть. Для них это станет поводом к войне. — Человек невозмутимо направил ружье и вышиб себе мозги.

Скорее от потрясения, чем от мысли, что незнакомца уже не спасти, Клавэйн отпустил его. Мертвец полетел вниз, в пасть червя, который только что расправился с Сандрой Вой.

Ничего не чувствуя, Клавэйн позволил вытащить себя в безопасное место.

Когда бронированная дверь ангара закрылась, сочленители обрызгали скафандр Клавэйна жидкостью, содержащей ферменты. Те за несколько секунд растворили материал, и задыхающийся Клавэйн оказался в луже слизи. Затем с помощью двоих сочленителей он нетвердо встал на ноги и через некоторое время, приложив к лицу маску, смог нормально дышать. Сквозь слезы, выступившие от напряжения, он рассмотрел, что ангар набит полусобранными кораблями — скелетами, похожими на акул, предназначенными для того, чтобы мгновенно пронзать атмосферу.

— Сандра Вой погибла, — сказал он, убрав маску.

Разумеется, сочленители отлично видели это, но ему казалось бесчеловечным не упомянуть о случившемся.

— Я знаю, — ответила Галиана. — Но по крайней мере выжил ты.

Клавэйн подумал о незнакомце, упавшем в пасть червя.

— Я сожалею о твоём... — Он смолк; несмотря на свои глубокие знания о сочленителях, он понятия не имел, как назвать этого человека.

— Пытаясь спасти его, ты подвергал свою жизнь опасности.

— Ему не нужно было умирать.

Галиана с глубокомысленным видом кивнула:

— Может, и не нужно. Но ты сильно рисковал. Ты слышал, что он сказал. Твою смерть объяснили бы нашим злым умыслом, это стало бы оправданием для превентивного удара по Гнезду. Даже демархисты обратились бы против нас, если бы решили, что мы убили дипломата.

Сделав еще один глоток воздуха из маски, Клавэйн взглянул в лицо собеседнице. Он разговаривал с Галианой по низкочастотным видеоканалам, но лишь оказавшись рядом с ней, убедился, что за пятнадцать лет эта женщина почти не изменилась. За полтора десятка лет привычное выражение лица должно было впечатать в ее кожу жесткие линии, но у сочленителей не бывает привычного выражения лица. В эти годы Галиана видела мало солнечного света, сидя здесь, в Гнезде, а в марсианской гравитации кости сохранялись гораздо лучше, чем на Деймосе. Она все еще блистала той жестокой красотой, которую он помнил со времени своего плена. Единственным свидетельством старения были серебряные нити в волосах, когда-то черных, словно вороново крыло.

— Почему ты не предупредила нас насчет червей?

— Предупредить вас? — Впервые на ее лице отразилось нечто вроде сомнения, но это продолжалось лишь миг. — Мы считали, что вы отлично знаете о заражении уроборосом. Эти черви многие годы спали — были неактивны, но они всегда присутствовали кругом. Только увидев, как неосторожно вы приближаетесь, я поняла...

— Что мы не в курсе?

Черви представляли собой оборонительное оружие — это были автономные мины-охотники. После войны во многих частях Солнечной системы остались места, занятые активными червями. Эти машины были в некотором смысле разумными. Никто никогда не признавался в применении червей, и было почти невозможно объяснить им, что война закончилась и они должны тихо прекратить свое существование.

— После того, что произошло с тобой на Фобосе, — сказала Галиана, — я решила, что насчет червей тебя учить нечему.

Он не любил вспоминать о Фобосе — боль въелась слишком глубоко. Но если бы не полученные там увечья, его нипочем бы не отправили на Деймос поправляться, не завербовали бы в возглавляемую его братом разведку — собирать информацию о сочленителях. Тщательно изучив все, что касалось противника, Клавэйн смог стать посредником — а теперь даже дипломатом — накануне новой войны. Сейчас Фобос занимал центральное место в его мыслях, этот спутник представлялся ему выходом из тупика — возможно, последним шансом на мирный исход. Но было еще слишком рано делиться этими идеями с Галианой. Он даже не был уверен, что его миссия будет продолжена после того, что случилось.

— Я так понимаю, что сейчас мы в безопасности?

— Да, мы способны исправить ущерб, нанесенный Стене. В принципе на червей можно не обращать внимания.

— Нас должны были предупредить. Послушай, мне нужно поговорить с братом.

— С Уорреном? Конечно. Это легко устроить.

Они вышли из ангара, прочь от недостроенных кораблей. Клавэйн знал, что где-то глубоко в недрах Гнезда есть завод, изготавливающий компоненты для этих кораблей из материалов, добываемых на Марсе, или из отходов жизнедеятельности Гнезда. Сочленители ухитрялись запускать корабль примерно раз в полтора месяца, это продолжалось уже полгода. Ни одному кораблю не удалось покинуть атмосферу Марса — они были сбиты... Рано или поздно придется спросить Галиану, почему она упорствует в этом безрассудстве.

Но сейчас не время для этого — даже если поверить словам Уоррена о том, что до следующей провокации осталось всего три дня.

Воздух в Гнезде был плотнее и теплее, чем в ангаре, а это означало, что Клавэйн мог обойтись без маски. Галиана провела его по короткому коридору с серыми металлическими стенами в круглую комнату с пультом. Он узнал эту комнату — отсюда Галиана говорила с ним, когда он был на Деймосе. Она показала, как пользоваться системой, и, пока он устанавливал связь с Деймосом, оставила его одного.

Вскоре на экране возникло лицо Уоррена, составленное из крупных точек, словно портрет в стиле импрессионизма. Сочленителям разрешали отправлять в другие части системы не более нескольких килобайт в секунду. Большая часть частот охватывалась этим единственным видеоканалом.

— Думаю, ты уже слышал, — сказал Клавэйн.

Уоррен кивнул, его лицо было пепельно-серым:

— Разумеется, мы же получаем хорошую картинку с орбиты. Достаточно хорошую, чтобы увидеть, что стало с Вой. Бедная женщина. Мы были уверены, что ты спасся, но я рад получить подтверждение.

— Хочешь, чтобы я прервал миссию?

Уоррен ответил после паузы:

— Нет... Я думал об этом, разумеется, и высшее командование согласно со мной. Смерть Вой — трагедия, от этого никуда не денешься. Но она летела вместе с тобой лишь в качестве нейтрального наблюдателя. Если Галиана позволит тебе остаться, предлагаю так и сделать.

— Но ты по-прежнему считаешь, что у меня только три дня?

— Это зависит от Галианы, верно? Ты что-нибудь узнал?

— Издеваешься? Я видел только шаттлы, готовые к полету, больше ничего. И я не начинал разговора о Фобосе. Время сейчас не совсем подходящее, после того, что случилось с Вой.

— Да. Если бы только мы знали об этих уроборосах...

Клавэйн склонился ближе к экрану:

— Вот именно. Почему, черт побери, мы не знали? Галиана считала, что мы знаем, и я ее за это не виню. Мы вели постоянное наблюдение за Гнездом в течение пятнадцати лет. Разумеется, за это время мы должны были заметить червей.

— Тебе нравится так думать?

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что черви, возможно, не всегда были там.

Понимая, что разговор не может быть конфиденциальным, но не желая уходить от этой темы, Клавэйн переспросил:

— Считаешь, сочленители устроили нам засаду?

— Я считаю, что нельзя пренебрегать ни одной версией, какой бы неприятной она ни была.

— Галиана не способна на такое.

— Верно, не способна. — Она только что вернулась в комнату. — И я разочарована тем, что вы вообще стали обсуждать такую возможность.

Клавэйн прервал связь с Деймосом:

— Знаете, подслушивание — не очень красивая привычка.

— А чего ты ждал от меня?

— Неужели ты мне совсем не доверяешь? Или это требует слишком больших усилий?

— Когда ты был моим пленником, мне не нужно было доверять тебе, — ответила Галиана. — Это сильно упрощало наши взаимоотношения. Наши роли были определены.

— А сейчас? Если ты мне настолько не доверяешь, зачем согласилась принять? Вместо меня могло бы отправиться множество других специалистов. Ты вообще имела возможность отказать от переговоров.

— Люди Вой давили на нас, чтобы мы согласились на ваш визит, — пояснила Галиана. — Так же как давили на вас, чтобы вы еще на некоторое время воздержались от насилия.

— И это все?

На сей раз она слегка помедлила:

— Я... знаю тебя.

— Знаешь меня? Ты так называешь год тюремного заключения? А как насчет тысяч разговоров между нами — когда мы забывали наши разногласия, чтобы потолковать о чем-то еще, кроме проклятой войны? Я ушел от тебя в здравом уме, Галиана. Я никогда не забывал об этом. Вот почему я рискую жизнью, чтобы попасть сюда и отговорить тебя от новой провокации.

— Теперь дело обстоит совершенно по-другому.

— Ну конечно! — Он едва сдерживался, чтобы не закричать. — Конечно, по-другому. Но главное не изменилось. Мы все еще можем восстановить это доверие и найти выход из кризиса.

— А разве твои сторонники действительно хотят найти выход?

Клавэйн ответил не сразу — он понимал, что в чем-то Галиана права.

— Я не уверен. Но я не уверен также, что ты этого хочешь, иначе бы перестала испытывать судьбу. — В нем словно что-то щелкнуло, и он задал вопрос, который намеревался озвучить гораздо более дипломатично. — Почему ты продолжаешь это делать, Галиана? Почему запускаешь корабли, зная, что их собьют, как только они покинут Гнездо?

Она твердо взглянула ему прямо в глаза:

— Потому что могу себе это позволить. Потому что рано или поздно один из них уйдет невредимым.

Клавэйн кивнул. Он боялся, что она ответит именно так.

Галиана вела его по другим серым коридорам — они спустились на несколько уровней. Свет лился из полос, которые тянулись по стенам, извиваясь, словно артерии. Возможно, дизайн был декоративным, но Клавэйн подумал, что полосы просто вы-

росли такими, подчиняясь биологическим алгоритмам. Хотя не было сведений о том, что сочленители пытались оживить окружающие их вещи и сделать их в каком-то смысле подобными людям.

— Вы подвергаетесь ужасной опасности, — заметил Клавэйн.

— Но теперешнее положение невыносимо. Я всей душой хочу избежать новой войны, но если до нее дойдет, у нас, по крайней мере, есть возможность сбросить эти оковы.

— Если вас сначала не уничтожат.

— Мы сможем этого избежать. В любом случае страх не влияет на наш образ мыслей. Ты видел человека, который смирился с судьбой, когда понял, что твоя смерть повредит нам больше, чем его гибель. Он изменил свое состояние духа, пришел к полному всепрятию.

— Прекрасно. Тогда все становится на свои места.

Они стояли одни в коридоре, освещенном змееподобными лампами, — с тех пор как покинули ангар, Клавэйн не видел никого из жителей.

— Мы не считаем жизнь отдельного человека ничего не стоящей. Смерть — это жертва для нас, как если бы ты отдал часть тела. Но сейчас, став частью единого целого...

— Ты имеешь в виду Транспросвещение?

Этим термином сочленители определяли состояние единства нервной системы, в котором пребывали. Оно осуществлялось посредством механизмов, встроенных в мозг каждого из них. Если демархисты пользовались имплантатами, чтобы осуществлять демократию в режиме реального времени, то сочленители с помощью машин делали общедоступными чувственную информацию, воспоминания и даже сознательные мысли. Именно это приблизило начало войны. Тогда, в 2190 году, половина человечества пользовалась сетями, позволяющими обмениваться информацией с помощью нервных имплантатов. А затем эксперименты сочленителей перешли некую черту, и в сеть был запущен трансформирующий вирус. Имплантаты начали видоизменяться, инфицируя разум миллионов людей установочными шаблонами сочленителей. Инфицированные немедленно перешли в ряд врагов. Земля и другие внутренние планеты всегда были более консервативны и предпочитали получать доступ к сетям традиционными способами.

После того как поселения на Марсе и поясе астероидов пали жертвой сочленительского феномена, власти Коалиции поспешно собрали силы, чтобы предотвратить распространение эпиде-

мии в своих владениях. Демархисты, обитавшие на спутниках газовых гигантов, успели вовремя установить средства сетевой защиты, и пострадало лишь незначительное количество их поселений. Они предпочли нейтралитет, а Коалиция попыталась сдержать распространение влияния сочленителей — некоторые употребляли слово «стерилизация». Через три года, после одной из самых кровопролитных битв за всю историю человечества, сочленители были оттеснены в разбросанные по всей системе убежища. И все это время они выражали ироничное недоумение по поводу того, что другие сопротивляются их экспансии. Ведь как ни крути, ни один из принятых в их среду не пожалел об этом. Скорее, наоборот. Немногочисленные пленные, которых сочленители неохотно вернули в прежнее состояние, всячески стремились снова соединиться с их сообществом. Некоторые даже предпочитали смерть жизни вне Транспросвещения. Подобно послушникам, удостоившимся видений рая, они посвящали всю свою сознательную жизнь поискам нового шанса.

— Транспросвещение притупляет в нас сознание индивидуальности, — объяснила Галиана. — Когда этот человек выбрал смерть, жертва не была для него в полном смысле слова жертвой. Он знал, что большая часть его сознания останется жить среди нас.

— Но это лишь один пример. А как насчет сотни жизней, которые ты погубила в попытках бежать? Мы знаем — мы считали тела.

— Недостающих солдат всегда можно клонировать.

Клавэйн надеялся, что ему удалось скрыть отвращение. В его окружении даже упоминание о клонировании считалось непросительным промахом, вызывающим в памяти всякие ужасы. Для Галианы клонирование стало бы лишь еще одной технологией, дополняющей ее арсенал.

— Но вы ведь не занимаетесь клонированием, верно? И теряете людей. Мы считали, что в этом Гнезде вас должно быть девятьсот человек, но мы сильно переоценивали вашу численность, так?

— Пока что ты видел немного, — сказала Галиана.

— Да, но здесь пахнет запустением. Ты не сможешь скрыть отсутствие людей, Галиана. Бьюсь об заклад, в Гнезде осталось не более сотни жителей.

— Ошибаешься, — возразила Галиана. — Мы владеем технологией клонирования, но пользовались ею совсем мало. Какой смысл? Мы не стремимся к генетическому единству, что бы там

СОДЕРЖАНИЕ

Великая Марсианская Стена. <i>Перевод О. Ратниковой</i>	5
Ледник. <i>Перевод С. Удалина</i>	52
Ночной монолог. <i>Перевод С. Удалина</i>	100
Шпион на Европе. <i>Перевод С. Удалина</i>	140
Погода. <i>Перевод С. Удалина</i>	163
Ремонтный скафандр. <i>Перевод Е. Кисленковой и А. Маркова</i>	216
Сон в растяженном времени. <i>Перевод С. Удалина</i>	229
Алмазные псы. <i>Перевод А. Лактионова</i>	246
Бестиарий Графенвельдера. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	349
Последний экипаж «Лакримозы». <i>Перевод А. Лактионова</i>	396
Бирюзовые дни. <i>Перевод А. Лактионова</i>	438
«Найтингейл». <i>Перевод С. Абовской</i>	521
На севере Галактики. <i>Перевод Д. Кальницкой</i>	590
Послесловие. <i>Перевод Д. Кальницкой</i>	630